Уль, Катарина Барбара Сравнительный анализ концепций «советской личности» в англоязычных исследованиях периода холодной войны и современности/ Катарина Барбара Уль // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск БГУ, 2011. — С. 393 – 397

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ «СОВЕТСКОЙ ЛИЧНОСТИ» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И СОВРЕМЕННОСТИ

В конце 1990-х гг. молодое поколение историков под влиянием работ французского философа-постструктуралиста Мишеля Фуко, посвященных проблеме формирования личности, разработали концепцию советской субъективности сталинского периода, связанной с дискурсивным подходом к индивидуальности в предвоенный период советской истории. Значимость указанной концепции состоит в том, что она подчеркивает силу языка в построении личности мужчины и женщины, ссылаясь на постструктуралистское восприятие действительности.

Результаты проведенных исследований обнаружили поразительное сходство с тоталитарным подходом в изучении советского общества. Ученые считали, что должна быть небольшая разница между понятием «узники советской личности», предоставляющим новый взгляд на положение индивидов в Советском Союзе, и понятием «угнетенная и идеологически обработанная советская личность», указывающим, каким образом проводился анализ положения индивидов в советской системе представителями тоталитарной школы [1; 2, с. 972].

Историки нового поколения, использовавшие возможность свободного доступа к архивным источникам с 1991 г. [3], развили свою концепцию в основном для периода позднего сталинизма, т. е.1930-х гг., в отличие от представителей тоталитарной школы, проводивших анализ с политологических и социологических позиций и, соответственно, определяющих всеохватывающую концепцию «советского человека» как предмет государства, который продолжает быть организован в соответствии с тоталитарными установками. Следовательно, представители тоталитарной школы не указали на существующую разницу между предвоенным и поздним сталинизмом.

Тоталитарная школа. Утверждение о том, что автономная личность существует как объективная реальность и что ее «истинная» сторона угнетена режимом и сильной волей его руководства, стало ключевым в анализе тоталитарной личности. Большинство работ представителей тоталитарной школы, так или иначе, касаются проблемы, связанной со значительной ролью руководства для режимов и бесперспективностью связей «сверху — вниз», обеспечивающей передачу приказов и их немедленное исполнение.

Ю. Лайонс в исследовании о роли советского государства в подавлении личности, написанном под влиянием холодной войны, характеризует этот тип политического функционирования как «полную пирамиду власти» [4]. Общий анализ фашистского и коммунистического режимов Италии, Германии и Советского Союза как моделей тоталитарного государства, проведенный теоретиками политологии К. Фридрихом и З. Бжезинским в 1950-х — начале 1960-х гг., придает большое значение лидеру [5].

Эдит и Гершель Альт в исследованиях о воспитании ребенка в Советском Союзе, о методах, используемых в процессе формирования «нового человека» и неоднозначности результатов этих усилий, писали, что советский гражданин не имел альтернативы для того, чтобы верить в истину, предоставляемую государством и партией [6]. Схожую точку зрения с Эдит и Гершель Альт высказал немецкий журналист К. Менерт, основываясь при этом на собственном опыте в довоенной и постсталинской России [7]. Таким образом, работы представителей тоталитарной школы базировались на утверждении, что каждый человек представляет собой морально независимую сущность и автономную свободную личность, со своим собственным мнением и разумом, однако его «Я» было подавлено огромной государственной властью. На подавление личности государством, в том числе указывал и Б. Вольф, который считал, что «личность затмевается и поражена всеобъемлющим характером тотальных войн и тоталитарных правительств, громоздкостью машины» [8].

Ученые, анализируя эту автономную личность как угнетенную государственной властью и тотальным контролем, в целом представляют советский народ как сознательно скрывающий свое «истинное я» под маской ложной идентичности, которая должна была быть показана в общественном пространстве в целях интеграции в систему или просто для того, чтобы выжить при ее принудительных методах. К. Фридрих и З. Бжезинский, рассматривая слои общества, признающие «истинное я» [9], полагали, что они таким образом выражают себя в качестве «островов отделенности», как сферы деятельности «реального» себя, в то время как К. Менерт во время визита в Советский Союз отмечал, что большинство советских граждан «ведут двойную жизнь» [7, с. 245]. Некоторые исследователи характеризуют это явление, например, как «двуличие», подчеркивая сознательное использование «лжи в качестве инструмента власти» [10]. В целом можно однозначно утверждать, что свободная моральная личность концептуализируется в тайной оппозиции к государству и к той системе, которой она должна соответствовать [11].

Обращаясь к проблеме выявления истоков тоталитаризма, немецкий философ еврейского происхождения Х. Арендт подчеркивала различие между личностью и государством, с его руководством и принудительными методами власти. Таким образом, ученый характеризует «социальную атомизацию и крайнюю индивидуализацию» как одно из средств, с помощью которых режим и его лидер может удержать власть. В свою очередь, Х. Арендт, как и многие авторы работ по проблеме советского субъекта, признавали, что потеря индивидуальности и мобилизации масс являются характерными признаками тоталитарных режимов [12].

В начале 1950-х гг. был реализован гарвардский проект (*Harvard Interview Project*) по проведению интервью и распространению анкет среди эмигрантов из Советского Союза. Благодаря проекту ученые получили уникальную возможность собрать материал о повседневности, исходя непосредственно из советских представлений о тоталитарном режиме, и рассмотреть отношение советских людей к этому феномену [13; 14]. В исследовании был сделан акцент на концепции лояльности и было показано, что режим, стремясь к созданию субъективной лояльности, в полной мере осознает тот факт, что она не способна сформировать необходимую эмоциональную связь между гражданами и государством. В итоге режим, идя на компромисс, должен согласиться с подчинением части субъектов и пресекать любое нелояльное поведение [13, с. 282].

В анкетных данных люди рассматриваются, как «полностью убежденные в эффективности этого (внешнего) давления» [13, с. 147]. Тем не менее более глубокий анализ данных позволяет однозначно утверждать, что, с одной стороны, индивиды рассматриваются как сознательно подчинившие себя воле руководства, однако, с другой стороны, ученые, проводившие опросы, приписывают им использование «регулирующих механизмов» для защиты собственных интересов [13, с. 74—81]. Исходя из анализа этих «прагматических убеждений» [13, с. 143—152, 285—286], участники гарвардского проекта сходились во мнении, что в основе подчинения и лояльности лежит не идентификация людей с их потребностями в положительном смысле, а их вера в силу и готовность системы применять насилие в отношении любого инакомыслия. Индивид концептуализируется в качестве жертвы как внешнего, так и внутреннего контролирующих механизмов. В целом значение гарвардского проекта состоит в том, что он подчеркивает некоторые аспекты интериоризации структур власти как важного фактора «лояльности» [14; 15].

В целом следует отметить, что сторонники тоталитарной школы рассматривают личность как автономную и независимую, но при этом угнетенную. В их понимании советские граждане являются узниками советской системы и ее руководства, намеренно контролирующего их путем принуждения и жесткого контроля. Интеграция с обществом рассматривалась ими только в профессиональной и бытовой сферах, в то время как дискурс (языковое давление) реализовывался через идеологическое воспитание и пропаганду. По мнению сторонников

тоталитарной школы, реакция субъектов в таких условиях проявляется либо в ношении маски и соответствия требованиям системы, либо в перенимании антирежимного способа мышления. В любом случае они рассматриваются скорее как объекты государственной политики, а не как полноправные хозяева своей судьбы.

«**Советская субъективность**». Концепция «советской субъективности» была разработана немецким историком Ю. Хеллбеком, в настоящий момент преподавателем Рутгерского университета (Нью-Джерси), и его израильским коллегой И. Хальфиным из Тель-Авивского университета. Анализируя процесс формирования личностей советских индивидов через изучение их автобиографий, И. Хальфин в одной из своих статей отверг тезис о существовании независимого исторического субъекта. Ученый концентрирует внимание на методах, с помощью которых «оппозиционеры» во время «большой чистки», применяя язык официального дискурса, пытались доказать свою невиновность. И. Хальфин не считает это манипулятивным использованием дискурса, однако четко указывает на мифичность «реального аутентичного субъекта». К аналогичным выводам пришел Ю. Хеллбек, который, изучая дневники 1930-х гг., также отказался от понятия свободной личности как существующей за границами дискурсивного построения личности.

В нашей статье анализируются различные подходы к феномену советской субъективности, а именно идеи немецкого историка Дж. Фюрст, в настоящий момент преподавателя Бристольского университета (Англия), Ю. Хеллбека и И. Хальфина. Дж. Фюрст указывает на всесилие дискурсов, на то, что язык стал основным фактором в построении и определении «Я» советских граждан. Соответственно, по мнению Дж. Фюрст, люди являлись узниками языка, а не государственного контроля, и могут быть охарактеризованы как «узники советской личности» [1]. Интересная точка зрения была высказана О. Хархординым, который считал, что становление индивида состоялось благодаря взаимодействию внешнего давления, с одной стороны, и способности индивида к саморегуляции — с другой [16].

Исходная мировоззренческая концепция советского субъекта Ю. Хеллбека более умеренна. Ученый рассматривает процесс сознательного «формирования сталинской личности» [17]. Основываясь на результатах анализа четырех дневников сталинского периода, Ю. Хеллбек в докторской диссертации представил советское видение «нового человека», выступающего в качестве образца для авторов дневников, которые «искали возможность переделать *себя* в соответствии с эстетическими и этическими стандартами совершенства» [18]. В следующей своей работе ученый рассматривает колебания молодого С. Подлюбного в определении себя как субъекта соответствующей модели, предусмотренной сталинской системой. Анализируя его дневник [19], автор проследил, как С. Подлюбный активно «конструировал свой дух» [20].

Взгляды Ю. Хеллбека оказались поразительно схожи с мнением И. Хальфина [21]. Для них обоих главная цель «герменевтики духа» (М. Фуко) лежит в моральном оправдании личности путем изучения ее внутренних намерений [22]. В своих работах И. Хальфин последовательно отстаивает идею о том, что герменевтика как средство для создания «непорочной и сознательной личности» тесно связана как с террором, так и с «большевистской эсхатологией». Индивиды, по утверждению ученого, навсегда сохраняют большевистскую эсхатологию, которая изображала «попытку представления, исходя из внешнего поведения, сущности человека, которая, по общему мнению, лежит в глубине и требует дешифровки» в их собственной душе. Результатом исследований автора явилось утверждение о том, что «большая чистка» действовала как «герменевтический суд», который не только ликвидировал «неправильных» революционеров, но и наказал их родственников и друзей за то, что они «потерпели неудачу как герменевты» в обличении обвиняемого. И. Хальфин не только показывает новый аспект террора, но и указывает тот уровень, до которого индивид добровольно перенимает требования системы [23].

Заключение. Основное различие между двумя методологическими подходами состоит в понимании личности как автономного агента при тоталитарном подходе и как лингвистической конструкции в постмодернистском видении. Исследования по проблеме «советской субъективности», ставившие акцент на силе языка и дискурсивном принуждении в отношении личности как «узников советского духа», оказались созвучны с применяемой в гарвардском проекте концепцией «интернализации», ставившей во главу угла язык как основное средство для формирования личности в определенных рамках дискурса. В то время как последователи тоталитарного подхода рассматривают процесс создания режимом внешнего подчинения, ученые, ссылающиеся на М. Фуко, считают, что индивид создает себя благодаря приобретению определенных очертаний в соответствии с дискурсивной основой. Следовательно, не существует никакого различия между системой и индивидом, а каждая попытка ослабления связи с единой общепризнанной моделью приведет к «самоуничтожению» [24]. Эти два методологических подхода отличает оценка интеграции личности в систему и средство создания связи между системой и индивидом.

В то время как ученые в работах, появившихся в период холодной войны, видят в терроре инструментальное значение, исследователи, особенно И. Хальфин, опирающиеся на мнение М. Фуко, развивают идею террора как логического и неизбежного результата «герменевтики духа». В отличие от сторонников тоталитарной точки зрения, отстаивавших идею о том, что центральным пунктом в интеграции советских граждан в коллектив стало обеспечение социальных благ, ученые, занимавшиеся проблемой «советской субъективности», указывали только на дискурсивный уровень, от которого индивиды не желали быть изолированными.

Однако наличие общих черт между этими методологическими подходами является поразительным и довольно неожиданным. Современные историки, взгляды которых рассмотрены в данной статье, не могут быть подозреваемыми в возвращении к оценкам периода холодной войны. Тем не менее ученые в своих усилиях пересмотреть теоретическую основу предшественников и подготовить почву для постмодернистского представления о советской личности приходят к аналогичным выводам, характерным для тоталитарной модели. Кажется, что новое поколение историков, поворачиваясь спиной к ревизионистской школе 1970—1980-х гг., бессознательно обращается к моделям, продолжительное время считавшимися устаревшими.

Перевод К. Вощенко, Е. Сакович

ЛИТЕРАТУРА

1. *J. Fürst*. Stalin's Last Generation: Youth, State and Komsomol 1945—1953. London, 2003.

2. *C. Chatterjee and K. Petrone*. Models of Selfhood and Subjectivity: The Soviet Case in Historical Perspective. Slavic Review 67(2008), pp. 967—986.

3. *S. Kotkin*. 1991 and the Russian Revolution: Sources, Conceptual Categories, Analytic Frameworks. Journal of Modern History 70 (1998), pp. 384—425.

4. *E. Lyons*. Our Secret Allies: The Peoples of Russia. London, 1954, pp. 8; см. также *B. Moore*. Soviet Politics — The Dilemma of Power. Cambridge/Mass., 1950, pp. 228—236; *I. Fetscher*. Von Marx zur Sowjetideologie, in W. Markert (ed.) // Der Mensch im kommunistischen System, Tübinger Vorträge über Marxismus und Sowjetstaat. Tübingen, 1957, pp. 102—118; *N. S. Timasheff*. The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. New York, 1946, pp. 84—93.

5. *C. Friedrich and Z. Brzezinski*. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge/Mass., 1965; см. также *H. Arendt*. The Origins of Totalitarism. New Edition with Added Prefaces. NY and London, 1973 [1951].

6. *H. Alt and E. Alt*. The New Soviet Man: His Upbringing and Character Development. New York, 1964 (см. pp. 38—39, 57—58).

7. *K. Mehnert*. The Anatomy of Soviet Man. London, 1961, цитата p. 192—193.

8. *B. D. Wolfe*. Communist Totalitarianism: Keys to the Soviet System. Boston, 1961, p. 264; см. также *B. Moore*. Soviet Politics, pp. 224—228.

9. *C. Friedrich and Z. Brzezinski*. Totalitarian Dictatorship and Autocracy, pp. 237—81.

10. Цит. см. *E. Lyons*. Our Secret Allies, p. 7, p. 42; *K. Ackermann*. Das Land der stummen Millionen. Tübingen, 1951, p. 232.

11. См. напр. *E. Lyons*. Our Secret Allies, pp. 17—28 Автор описывает данный феномен как «продолжающуюся гражданскую войну между управляющими и управляемыми» (p. 28). B. D. Wolfe (Communist Totalitarianism, p. 268) писал о «войне государства против собственного народа».

12. *H. Arendt*. The Origins of Totalitarism, p. 316; см. Wolfe, p. 276 and Alt/Alt, The New Soviet Man.

13. *R. A. Bauer and A. Inkeles*, The Soviet Citizen. Cambridge/Mass., 1961 and *R. A. Bauer, A. Inkeles and C. Kluckhohn*. How the Soviet System Works. Cultural, Psychological, and Social Themes. Cambridge/Mass., 1956.

14. *M. Edele*. Soviet Society, Social Structure, and Everyday Life: Major Frameworks Reconsidered // Kritika 8(2007), p. 349—373.

15. *M. Griesse*. Soviet Subjectivities: Discourse, Self-Criticism, Imposture // Kritika 9(2008), p. 609—624.

16. *Kharkhordin*. The Collective and the Individual in Russia. A Study of Practices. Berkeley, 1999.

17. *J. Hellbeck*. Fashioning the Stalinist Soul. The Diary of Stepan Podlubnyi, 1931—1939 // S. Fitzpatrick (d.), Stalinism. New Directions. London, 2000, pp. 77—116; см. также *J. Hellbeck*. Laboratories of the Soviet Self. Diarie from the Stalin Era. Columbia University, 1998; *J. Hellbeck*. Speaking Out: Language of Affirmation and Dissent in Stalinist Russia // Kritika 1(2000), pp. 71—96.

18. *J. Hellbeck*. Laboratories of the Soviet Self, цит. p. 19 (курсив в оригинале).

19. Хеллбек опубликовал этот дневник в Германии. См. *S. Podlubnyj*. Tagebuch aus Moskau: 1931—1939, ed. by J. Hellbeck. München, 1996.

20. *J. Hellbeck*. Fashioning the Stalinist Soul, p. 110.

21. См.: *I. Halfin*. Terror in my Soul; *I. Halfin*. From Darkness to Light: Student Communist Autobiography During NEP // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 45(1997), pp. 210—236; *I. Halfin*. Looking into the Oppositionists' Souls: Inquisition Communist Style // Russian Review 60(2001), pp. 316—339; *I. Halfin*. Intimacy in an Ideological Key: The Communist Case of the 1920s and 1930s // I. Halfin (ed.). Language and Revolution: Making Modern Political Identities. London, 2002, pp. 185—213 and *I. Halfin*. Between Instinct and Mind: The Bolshevik View of the Proletarian Self // Slavic Review 62 (2003), p. 34—40.

22. *J. Hellbeck*. Revolution on my Mind, pp. 7, 34 и заключительную главу в The Urge to Struggle on, pp. 347—63; *J. Hellbeck*. Working, Struggling, Becoming (and the first chapter on Good and Evil in Communism // *I. Halfin*. Terror in my Soul: Communist Autobiographies on Trial, pp. 7—42.

23. Цит. по *I. Halfin*. Intimacy in an Ideological Key, p. 185, 208; След. цит. *I. Halfin*. Terror in my Soul, p. 8; см. также *I. Halfin*. Stalin's Purges and the Question of Belief // B. Studer and H. Haumann (eds.), Stalinistische Subjekte: Individuum und System in der Sowjetunion und der Komintern, 1929—1953. Zürich, 2006, p. 233—251.

24. См.: *J. Hellbeck*. Fashioning the Stalinist Soul, p. 104.

РЕЗЮМЕ

Данная статья преследует цель выявить сходство и различие между двумя историографическими подходами — тоталитарной моделью и постмодернистскими идеями «советской субъективности». При этом автор стремится рассмотреть эти подходы и подчеркнуть определенную иронию современной западной историографии, которая в данном случае использует устаревшие модели анализа для того, чтобы пересмотреть взгляды предыдущего поколения историков.

SUMMARY

The article pursues the aim to reveal similarity and distinction between two historiographical approaches — totalitarian model and postmodernist ideas of «the Soviet subjectivity». Thus the author aspires to examine these approaches and to underline certain irony of a modern western historiography which in this case uses out-of-date models of the analysis to reconsider sights of the previous generation of historians.

Статья поступила в редакцию 9 октября 2010 г.